

Джирайя, захлестнутый эмоциями, с силой ударил кулаком по стойке. — Я убил многих до этой ночи и убил многих с тех пор, но никогда не убивал без необходимости, без приказа. Они были моими врагами, правда, и они убили Наваки, шла война, и все же я чувствовал, как молю о прощении.— Тогда почему ты это сделал?! — взвизгнула Цунаде, сметая со стойки их напитки и бутылки с алкоголем. Она вскочила со стула, в ее голосе звучал гнев, а по щекам текли слезы. Но гнев был направлен не на него, Джирайя это чувствовал. Она злилась на себя. После долгого молчания Джирайя ответил ей словами, что пронзили ее до глубины души. — Чтобы тебе не пришлось.— Я никогда не просил тебя об этом! Джирайя улыбнулся с оттенком нежности и ностальгии, взяв Цунаде за подбородок. Даже сидя, он был достаточно высок, чтобы сделать это. Как ни странно, она не сопротивлялась его прикосновению. — Уже тогда я видел ненависть в Орочимару, я наконец понял, почему он так отличается от нас, в ту ночь, когда он сказал, что бросился бы в погоню за возможностью убить убийц своих родителей. Я... не мог смириться с мыслью, что ты станешь таким же, как он, поэтому я пошел вместо тебя и отомстил за Наваки сам, и я скрыл это от тебя...— Почему ты мне не сказал? Джирайя насмешливо хмыкнул, словно издеваясь над ней. — Почему я не сказал тебе, что отомстил за твоего брата до того, как ты сам смог это сделать? Нет, я никогда не собирался говорить тебе, Цунаде, это был секрет, который я намеревался унести с собой в могилу. — Он знал, что она собирается возразить, и прервал ее, не дав произнести ни слова: — Единственная причина, по которой я говорю тебе об этом сейчас, заключается в том, что ты собираешься присоединиться к человеку, который предал нас и напал на наш дом — дом Наваки! Большого оскорбления его памяти и быть не может, Цунаде! Она молчала, и в ее положении, наверное, никто бы не ответил. — Знаешь, почему я взял Наруто с собой на эту миссию, Цунаде? Так вот, я скажу тебе одну вещь: это точно не для того, чтобы ты испытывала чувство вины, и точно не потому, что он — ребенок Минато. — Он явно колебался, произнося это имя, словно никогда не говорил его раньше, — Когда я смотрю на этого ребенка, ты знаешь, что я вижу? Сомневаюсь, что ты знаешь, ты уже много лет напиваешься до оцепенения, но то, что я вижу в Наруто, — это нечто великое! Я вижу в этом парне будущее, я знаю, что когда-нибудь он изменит мир, Цунаде, — с моей помощью или без, и я предпочитаю быть частью этого так долго, как смогу. Благодарная за смену темы, Цунаде покачала головой. — О чем ты говоришь? Когда я сражалась с ним на днях, то не увидела ничего особенного. У него есть мужество, но для этого нужно нечто большее, Джирайя. Его родители уже были джонинами в его возрасте.— Я знал, что ты так скажешь, — Джирайя покачал головой с уверенной ухмылкой. — Наруто — один на миллион. Я внимательно слежу за ним, в нем есть качество, которое я не видел с тех пор, как... Ну, это неважно, — быстро поправил Джирайя, когда в памяти всплыл образ рыжеволосого, бледнокожего подростка с глазами, покрытыми рябью. — Важно то, что моя интуиция говорит мне, что Наруто — тот самый, он должен быть таким! — Только не это! — вспыхнула Цунаде, как и ожидалось. — Джирайя, ты же не можешь быть серьезным! Ты годами разглагольствуешь и бредишь об этом пророчестве, и оно уже стоило тебе двух учеников, когда же ты успокоишься? Сколько еще должно умереть, чтобы ты окончательно убедился...— Это он! — Джирайя хлопнул ладонью по стойке и вскочил со стула с тревожной ухмылкой на лице. По тому, как его трясло от возбуждения, он мог бы сойти за члена секты. — Говорю тебе, Цунаде, Наруто — Дитя Пророчества. Он изменит мир! — Раз ты так говоришь, — Цунаде не могла не восхищаться непоколебимой верой и убежденностью Джирайи в пророчестве, предсказанном ему жабами. Она вспомнила те дни, когда и она была так же фанатично предана Конохе: юная куноичи, отпрыск благородного клана Сендзю и патриотка в душе, так счастливая служить, так готовая сражаться за страну и деревню, как это делали до нее ее родители, дед и прадед. — Так какое отношение это имеет ко мне? — спросила она в конце концов.— Ну, по правде говоря, моя миссия заключалась не только в том, чтобы вернуть тебя в Коноху и помочь старику Цунаде. — По выражению ее лица Джирайя понял, что она ничуть не удивлена. — Они хотят, чтобы ты стала Годайме Хокаге Конохи, Цунаде. Цунаде разразилась хохотом, пролив свой напиток, так как громко смеялась. — Ты в своем уме, Джирайя? С чего бы мне вообще

снова ступить ногой в эту деревню, не говоря уже о том, чтобы стать Хокаге? Не заставляй меня смеяться!— Это не шутка, Цунаде, — ровно сказал Джирайя. Цунаде покачала головой, ее медово-карие глаза были прикованы к его. — Почему ты не соглашаешься на эту работу, не можешь же ты сказать, что они не предлагали тебе.— О, предлагали, — бесстрастно ответил Джирайя, — Они уже несколько лет пытаются уговорить меня принять шляпу, но мы оба знаем, что я не способен возглавить деревню. Я боец, и мне хочется думать, что я неплохой учитель, — на его лице появилась ностальгическая улыбка, но она быстро исчезла, — но мы оба знаем, что я буду всего лишь фигурой, если возьмусь за эту работу. Я бы не знал ничего о том, как стать Хокаге, но ты, с другой стороны...— Нет, — категорически отказалась Цунаде. — Только не на свою жизнь.— Почему нет? — с неподдельным любопытством спросил Джирайя, хотя он уже догадывался, почему. У Цунаде была фобия обязательств, сколько он ее знал, к сожалению, единственным, кто ее преодолел, был Дэн, но после его смерти Цунаде вернулась к старому. — Ты была бы отличной Хокаге, и первой женщиной, ставшей Каге.— Не опекай меня, Джирайя. Я не соглашусь на эту работу. Джирайя пожал плечами, снова слез с барного стула и потянулся, подавляя зевок. — Что ж, предложение в силе, в зависимости от того, сколько времени нам понадобится, чтобы вернуться в Коноху, и когда ты уйдешь, Цунаде.— Погоди-ка, ты действительно думаешь, что я проиграю пари с этим мальчишкой? Джирайя кивнул, как будто это была самая простая истина в мире. — О, ты точно проиграешь. У меня нет никаких сомнений на этот счет. — Он направился к выходу и на мгновение обернулся. — Цунаде... Я очень надеюсь, что ты не примешь это предложение Орочимару... Убить вас обоих будет слишком сложно. Джирайя, бросив эти слова, исчез в дверях, оставив Цунаде с ошеломленным выражением лица. Она, словно пробуждаясь от сна, чуть заметно улыбнулась и, покачав головой, поднялась. Бросив золотую монету рё бармену, который, поймав её с выпученными глазами, не нашёл слов, Цунаде натянула куртку и вышла. — У меня закончились обычные купюры, извините за беспокойство, — пробормотала она, растворяясь в вечерней суете.— Спасибо, Цунаде-сама! — прошептал бармен, всё ещё не веря своим глазам.